

шортца

А.А.Галкин

НОВЫЕ ВРЕМЕНА: СДВИГИ И УЗЛЫ ПОТряСЕНИЙ

Ключевые слова: узлы потрясений, глобализация, мироустройство, общество, средний класс

Судя по всему, человечество вступило ныне в полосу глубоких, качественных сдвигов. Настали новые времена, чреватые существенными переменами в мироустройстве. Эта констатация не вызывает больше серьезных сомнений у специалистов. Непроясненными, однако, остаются многие из обусловленных ею вопросов: в чем смысл происходящих перемен, сколь значимы их масштабы, какие вероятные угрозы их сопровождают? То, что изложено ниже, представляет собой попытку проложить тропы к объективному ответу на эти вопросы.

* * *

В последние годы вошло в моду говорить и писать о вызовах нового века. При этом нередко забывают, что обозначились они намного раньше, в последней трети прошедшего столетия.

Обратимся к конкретным примерам.

Уже давно слывет аксиомой, что сложившиеся отношения человечества и природной среды чреваты катастрофой. Это ощущалось еще тогда, когда число людей на Земле лишь приближалась к 6 млрд., а потребление энергии в расчете на одного человека было существенно ниже. Правда, особенно несомненным стало это сейчас, когда численность населения планеты перевалила за 7-миллиардный рубеж, а потребление энергии вышло за мыслимые прежде пределы.

В конце XX в. одним из самых заметных сдвигов в динамике мироустройства стала совокупность глобализационных тенденций. Они оказались в центре внимания специалистов и послужили стимулом для массовых общественных движений. В дискуссиях на эту тему сталкивались исключаящие друг друга оценки — от восторженных прогнозов до тревожных пророчеств. Со временем страсти вроде бы поутихли, хотя внимание к проблеме сохранилось.

Немало было сломлено копий вокруг последствий быстрого накопления новых знаний, развития высоких технологий и внедрения основанного на них массового производства. Было очевидно, что они во многом меняют условия существования человека. Не случайно для намечившихся изменений были придуманы броские, хотя и не очень точные «лейблы».

В свете сказанного, естественно, напрашивается вопрос: если главные изменения, а следовательно, и вызовы, брошенные ими человечеству, наметились так давно, то почему же новизна порожденных ими времен с особой силой ощущается именно сейчас?

На этот вопрос можно предложить много ответов. Но один из них беспспорен. На ход событий оказал влияние (как говорят в таких случаях, «сработал») мощный дополнительный фактор. Но, чтобы вычленить его, нужно осмыслить совокупность противоречивых отношений, в том числе между объективно назревшими вызовами и спецификой реакции на них различных социальных групп и массового сознания.

Что представляет собой в данном контексте вызов? Это объективная необходимость трансформации общественного бытия и отношений, обусловленная изменившейся обстановкой. Если из нее делают надлежащие выводы и осуществляют назревшие перемены, вызов теряет силу. Если этого не происходит или реакция неадекватна, вызов преобразуется в узел потрясений, порождая системные сбои в общественном организме. Именно это мы сейчас и наблюдаем — в разной степени и в различных формах.

Рассмотрим некоторые из наиболее очевидных проблемных узлов.

Узел первый

Как реагировали на обострение отношений «люди — природа» политики и общественность? Внешне весьма активно. В ряде стран сложились и утвердились на политическом Олимпе экологические партии. В некоторых из этих стран развернулась борьба против таких форм негативного воздействия на окружающую среду, как выбросы в атмосферу непомерно больших объемов углекислого газа и широкое использование ядерных электростанций. Под влиянием экологических организаций, бивших тревогу в связи с прогрессирующим влиянием на климат загрязнения атмосферы, ООН разработала Программу по окружающей среде и приняла Рамочную конвенцию по изменению климата.

Был заключен ряд межгосударственных договоров о сохранении морских биоресурсов. Большинство стран мира подписали так называемый Киотский протокол, установивший ограничивающие квоты на выброс углекислого газа.

Но гораздо существенней была оборотная сторона дела. Многие властные элиты не только не осознали значимости возникшей проблемы, но и, руководствуясь эгоистическими соображениями, решительно выступили против конкретных мер по ее решению. По ряду причин равнодушие к ним проявила и подавляющая часть населения. В итоге реакция на соответствующий вызов свелась к серии шагов, сопоставимых по эффективности с блошиными укусами.

Международные конференции по защите окружающей среды одна за другой завершались ничем. Периодически вносимые в ООН предложения о создании в ее рамках влиятельной и правомочной международной организации постоянно отвергались.

Киотский протокол, несмотря на сопровождавшую его рекламу, ввиду отказа от участия в нем ряда главных загрязнителей атмосферы (в частности, Соединенных Штатов и Китая) не дал значимых результатов. Планировалось, что реализация его положений на треть сократит мировые выбросы в атмосферу углекислого газа. В действительности они возросли. И если не произойдет серьезных изменений, так будет продолжаться и впредь.

Не ясна и дальнейшая судьба самого Киотского протокола. Под вопросом подписание международных соглашений, которые, как предполагалось, должны прийти ему на смену.

Тем временем разрушительное воздействие некомпенсированного давления на окружающую среду приобрело катастрофический характер. Произошло чреватое тяжелыми последствиями загрязнение мирового океана. Все заметнее истощение источников жизненно необходимой человечеству энергии. Ускоряется опустынивание сельскохозяйственных земель. Сокращается объем продовольственной продукции и питьевой воды в расчете на одного человека. Массовая вырубка растительного покрова, прежде всего лесных массивов, вкупе с растущим выбросом углекислого газа все сильнее подрывают структуру земной атмосферы.

Особо угрожающие формы принимает прогрессирующее изменение климата, обусловленное парниковым эффектом, связанным с продолжающимся накоплением в атмосфере углекислого газа. Как отмечается в докладе специальной исследовательской группы, представленном на международной Конференции по изменению климата, состоявшейся в ноябре 20011 г. в южноафриканском городе Дурбан, планета продолжает нагреваться. Следствием этого станет усиление природных бедствий, в частности учащение наводнений, ураганов, тайфунов и смерчей. Вероятны ежегодные периоды экстремальной жары, которая не только вызовет засуху, но и заметно повысит смертность, в первую очередь среди пожилого населения.

Но и это далеко не все.

Весьма тревожны среднесрочные перспективы. Повсеместно зафиксированное таяние ледников может обернуться повышением уровня мирового океана. Если не принять решительных мер, то это, вполне вероятно, приведет к затоплению густонаселенных приморских территорий как на западе Европы, так и в Юго-Восточной Азии. Последствия этого очевидны: гибель миллионов людей и массовое переселение оставшихся в живых в районы, менее пострадавшие от стихийных бедствий.

Серьезную угрозу представляют процессы, определяющие дальнейшую судьбу Гольфстрима — теплого течения, обогревающего западную часть нашего континента и обеспечивающего доминирование на ней умеренно теплых климатических условий. Если Гольфстрим изменит свое направление или будет отеснен вглубь океана, вся западная часть европейского континента станет непригодной для жизни. Что

это будет означать для сотен миллионов ее обитателей, объяснять не надо.

Заядлые пессимисты идут в своих прогнозах еще дальше. По их мнению, усиление давления на твердую оболочку Земли утяжелившейся массы океана может спровоцировать сдвиг литосферных плит, который расчистит путь для находящейся под ними раскаленной магмы, что, в свою очередь, повлечет за собой серию небывалых по мощи взрывов, способных нанести непоправимый ущерб белковой жизни.

Конечно, такого рода прогнозы вызывают немало сомнений. И все же закрывать глаза на возможные угрозы, по меньшей мере, неразумно.

Узел второй

Последствия глобализации, о которой пойдет речь дальше, целесообразно рассматривать не как один клубок потрясений, но как их совокупность.

Уже на первом этапе глобализации отчетливо проявилось разделение стран на выигравшие и проигравшие. В числе первых оказались наиболее развитые на тот момент государства, в числе вторых — экономически отставшие страны. Причины этого многообразны. Остановимся на той, которая представляется наиболее важной.

Глобализация торговых отношений со всеми сопутствующими ей обстоятельствами резко ускорила процесс разложения и распада традиционных сфер производства и обмена, в которых была задействована основная масса населения стран с невысоким уровнем развития (а в них до сих пор живет подавляющее большинство человечества). Дополнительный удар по этим сферам нанес прогрессирующий сброс в «зону отсталости» так называемого «грязного» индустриального производства. Сначала туда переместилась значительная часть производства товаров широкого потребления: одежды, обуви, бытовой химии и т.д. За ними последовали предприятия бытовой электротехники и информатики, вторичной и третичной переработки сырья, транспортное машиностроение, судостроение и т.д.

О масштабах этого «переселения» можно судить хотя бы по ситуации в Великобритании, некогда бывшей «мастерской мира». Сейчас материальное производство обеспечивает в ней лишь 20% ВВП. Остальные 80% создают нематериальные продукты и услуги.

Подобная трансформация, осуществленная к тому же в сжатые сроки, не могла не породить множества болезненных явлений. В странах с доминированием традиционного производства началось стремительное обнищание и маргинализация основной массы населения (занятого преимущественно в сельском хозяйстве), повсеместное переселение ее в города — без какой бы то ни было перспективы найти там необходимые средства к существованию.

Обусловленное этим недовольство создало стимулы для накопления взрывчатого социального материала. В свою очередь, появление

в трансформирующихся регионах собственной образованной прослойки, ядро которой составили молодые специалисты, нередко выпускники именитых западных университетов, обеспечило формирование кадров, способных направить и возглавить движения протеста.

Одной из первоначальных форм этого протеста стал религиозный (или квазирелигиозный), прежде всего исламский, терроризм. Возникнув как локальное явление, он вскоре приобрел международный характер и, опираясь на сочувствие и поддержку в районах своего зарождения, быстро превратился во влиятельную силу.

Реакция политической элиты и подавляющей части общественности государств, оказавшихся объектом атак террористов, свелась, как известно, к различным вариантам силового ответа: от полицейских акций до вторжения в страны, заподозренные в сочувствии терроризму. При этом полностью игнорировалось то обстоятельство, что терроризм, при всей его опасности, не причина, а следствие возникших болезненных ситуаций.

Разумеется, в ходе противостояния терроризму неизбежны силовые приемы. Однако сами по себе они не в состоянии решить проблему. Сохранившийся взрывчатый потенциал будет устойчиво подпитывать ряды террористов и инициировать новые формы борьбы против того, что может быть воспринято как источник зла, несправедливости и угнетения.

Игнорирование базовых причин распространения терроризма привело, как и следовало ожидать, к опасным результатам. Отдельные, в том числе крупные, победы, которых было немало, не завершились общим его поражением. Террористический пожар, загашенный в одном месте, незамедлительно вспыхивал в другом — иногда рядом, а иногда и за сотни и тысячи километров.

Более того, многие идеи, которыми руководствовались террористы, стали достоянием массового сознания, прежде всего в мусульманских странах. Так произошло, в частности, с ориентациями на создание объединяющего и отменяющего все мусульманские государства неэтнического халифата, на длительное противостояние (включая военное) мусульманского и христианского миров, на отказ от современного образа жизни и возвращение к нормам средневекового исламского права (шариату) и т.д.

Показательны в этом смысле недавние события в арабском мире. То, что по мере углубления начавшихся там революций на передний план вышли не просто исламистские, но в ряде случаев радикальные исламистские силы, могло удивить лишь дилетантов. В действительности это лишь одно из ожидаемых косвенных последствий непродуманных форм борьбы с терроризмом, противопоставивших развитый, преимущественно христианский Запад вздыбленному глобализацией мусульманскому Востоку.

Аналогичным образом следует трактовать и события за пределами арабского мира. В ряде районов Нигерии началась кровопролитная

война между мусульманами и христианами. Более полувека, то вспыхивая, то затухая, такая война ведется в Южном Судане. То же самое происходит на Филиппинах. Как проблему взаимоотношений между исламом и христианством рассматривают в Иране давление, которое оказывают на него Соединенные Штаты, поддержанные другими странами НАТО. Все сложнее складываются отношения между США и Пакистаном, на протяжении десятилетий слывшим самым близким и верным союзником западных держав на азиатском юго-востоке. Возрастает влияние крайней ортодоксии в крупнейшей мусульманской стране мира — Индонезии. А что уж говорить об Афганистане, где много лет с переменным успехом идет ожесточенная схватка между вторгшимися в страну «христианами» и талибами, претендующими на роль защитников интересов не только афганцев, но и всех правоверных мусульман?!

Этот список нетрудно продолжить. Но и без того ситуация очевидна.

Узел третий

Подключение общественных структур к глобализационным процессам происходило неравномерно. В одних сферах оно реализовалось в полной мере, в других — застряло на полдороге, в третьих — и поныне топчется на месте.

Дальше других продвинулись экономические структуры. Это открыло перед мировой экономикой новые широкие перспективы. Вместе с тем глобализированная экономическая система оказалась во многом оторванной от социальных и политических структур, по-прежнему действующих на уровне национальных государств.

Политические институты всегда в той или иной форме контролировали экономические процессы. Рассуждения о государстве, выполняющем лишь функции «ночного сторожа», который охраняет покой уставших от забот граждан и следит за тем, чтобы не выбрасывали из окон мусор, — из числа мифов, рассчитанных на профанов. Даже при самых радикальных либеральных режимах государственные институты определяли экономическую стратегию, возводили правовой каркас, регулирующий поведение участников рыночных игр, надзирали за выполнением законов, в том числе и в сфере экономических отношений. Соответствующие контрольные функции осуществляли и социальные институты.

Выскользнув за пределы государства и попав на региональные, а то и глобальные просторы, на которых практически не было ни социальных, ни политических партнеров, экономические структуры — вне зависимости от формы, в которую они облачались, — оказались вне контроля. И это породило многочисленные соблазны.

Ситуацию дополнительно осложнило то, что по мере углубления глобализации неравномерность движения к ней проявилась и в самой экономической сфере. Раньше других, как упоминалось выше, на этот

путь вступила торговля. За ней последовало массовое промышленное производство. Вскоре, однако, активно используя плоды начавшейся информационной революции, вперед вырвались финансы.

Возникшая в результате система носила, мягко говоря, иррациональный характер. С одной стороны, экономика обрела далеко идущую независимость от иных форм реализации общего интереса. С другой стороны, финансовая сфера, составляющая неотъемлемую часть экономического процесса, получила своеобразную «вольную», оторвавшись от материального производства и обращения, непосредственным отражением которых являлась.

То, что случилось затем, было неизбежно. Экономические структуры, попирая общий интерес, начали использовать сложившуюся ситуацию, то и дело ввязываясь в сомнительные авантюры. На аналогичный путь с энтузиазмом встали и финансовые институты.

Основную опасность подобного положения вещей иногда усматривают в том, что любой клерк, имеющей доступ к банковским деньгам и соответствующей информационной системе, может по собственному усмотрению включаться в международные спекуляции, оперируя и рискуя не принадлежащими ему миллионами (или миллиардами) долларов (евро). Действительно, такие случаи были и получили широкую огласку. Но они, по сути, представляли собой лишь мелкие побочные (криминальные) издержки, если рассматривать их на фоне того, что происходило и происходит на главной финансовой арене.

Ее прогрессирующий отрыв от материального производства в условиях растущей независимости освободившейся от социального и политического контроля экономической системы открыл широкую возможность для фабрикации дополнительных «ценных бумаг» (своего рода квазиденег). Нечто подобное, разумеется, практиковалось и раньше. Первым шагом в этом направлении был, как известно, выпуск бумажных ассигнаций, который должен был смягчить тормозивший экономическое развитие дефицит золотых и серебряных денег. Затем, с возникновением акционерных обществ, вспомогательную роль в накоплении капитала и стимулировании товарооборота начали играть котирующиеся на биржах акции. Появились и другие ценные бумаги. Но на первых порах их эмиссия осуществлялась с соблюдением определенных пропорций.

Возросшая независимость финансовой сферы открыла «ящик Пандоры». В оборот были запущены десятки имитаторов денег — деривативов. В их числе так называемые денежные бумаги, то есть документы, закрепляющие право на получение денежных сумм (векселя, чеки, облигации), а также товарные бумаги, фиксирующие имущественные права на недвижимость, на оплаченные товарные запасы или на участие в управлении компаниями. Все эти бумаги были включены в текущий хозяйственный оборот, составив существенную часть банковских активов, государственных и корпоративных резервов, депозитов и т.д. К концу первого десятилетия нового века общий объем сделок с дерив-

вативами оценивался примерно в 711 трлн. долларов — сумму, превышавшую стоимость всей мировой экономики.

Умножение числа деривативов создавало иллюзорное представление о неограниченной возможности затрат, не обеспеченных материальным производством. Отсюда беспрецедентный рост корпоративной и государственной (суверенной) задолженности, в путях которой оказалось немало высокоразвитых стран.

Ко второму десятилетию нынешнего века в число государств, совокупный суверенный долг которых почти сравнялся с годовым ВВП или даже превысил его, попали многие страны Еврозоны, включая такие крупные, как Италия и Испания. Приблизилась к этому уровню задолженности входящая в ядро Евросоюза Франция. Не избежали подобной участи и Соединенные Штаты, задолженность которых к 2012 г. перевалила за 15 трлн. долларов, достигнув 100% ВВП страны. Еще хуже положение в Японии.

На протяжении ряда лет благодаря относительно стабильной ситуации на мировых рынках это вроде бы сходило с рук. Оптимизм в рядах власть имущих, обусловленный рядом привходящих обстоятельств, устойчиво питал их веру в то, что так будет и впредь. Робкие призывы немногих трезвых ученых-экономистов остановиться и перестать жить «взаймы» пропускались мимо ушей. Кредитоспособность признанных лидеров мировой экономики считалась само собой разумеющейся. Непомерный груз финансового обслуживания долгового бремени облегчался за счет все новых займов.

Мировой финансово-экономический кризис 2008—2009 гг., преодоление которого к тому же потребовало существенных дополнительных затрат, развеял пирамиду иллюзий. Оказалось, что король если не гол, то, по меньшей мере, нищ. Вера в кредитоспособность некогда чтимых заемщиков испарилась. Стоимость кредитов небывало возросла. Чтобы удержать на плаву наиболее увязших должников, понадобились многие сотни миллиардов долларов и евро. В результате вслед за финансово-экономическим кризисом наступил, в качестве его продолжения, мировой долговой кризис, чреватый новыми потрясениями для народного хозяйства многих стран мира.

Можно ли было предотвратить такое развитие событий? Теоретически рассуждая — конечно. Для этого, правда, требовалась политическая воля и некоторая доля солидарности заинтересованных сторон. Необходимо было вовремя оценить назревающий вызов и, объединив усилия, несколько сузить вольности глобализированных финансовых структур. Но этому помешали многие факторы, и в первую очередь доминировавшая на протяжении десятилетий неоконсервативная система взглядов, исходившая из постулата о недопустимости любого внешнего вмешательства в закономерности функционирования рыночных отношений.

Теперь несостоятельность подобных взглядов на макроэкономические процессы становится все более очевидной. От них один за

другим отрекаются даже их активные в прошлом апологеты. Однако набор средств, которые пытаются сейчас применить, чтобы избежать угрозы развала мировой финансовой системы, тоже, как говорится, «не сахар». И дело не только в том, что предлагаемые и реализуемые меры направлены не против причин, но против следствий финансовых неурядиц. Важнее то, что в основе этих мер лежит неприкрытый эгоизм социальных и политических сил, либо находящихся у власти, либо достаточно влиятельных для того, чтобы власть с ними считалась.

Стратегия, направленная, как утверждается, на смягчение последствий долгового кризиса и предотвращение финансового коллапса, исходит из тезиса о том, что непомерная задолженность соответствующих стран обусловлена слишком высокими расходами на социальную сферу (затратами на образование, здравоохранение, щедрыми пенсиями, пособиями нуждающимся группам граждан). Такие расходы не только предельно отяготили государственные бюджеты, но и заметно ослабили стимулы к производительному труду массовых групп населения. Отсюда-де и все беды.

На этом постулате строится следующая цепочка рассуждений. Если долговой кризис вызван слишком большими тратами на социальную сферу, то именно за ее счет и нужно экономить. Это не только даст дополнительные средства, необходимые для покрытия задолженности и балансирования бюджетов, но и побудит население к более интенсивной работе, что тоже поможет облегчить долговое бремя.

При этом сознательно игнорируются очевидные стороны дела.

Во-первых, отсутствует адекватная оценка истинных причин резко обострившейся долговой проблемы. Чтобы убедиться в том, что истоки суверенного долгового груза кроются отнюдь не в социальных расходах, достаточно сравнить две близкие по многим параметрам группы европейских стран — ту, где социальные расходы наиболее высоки (ФРГ, Австрия, Швеция, Норвегия, Голландия, Люксембург), и ту, где они несопоставимо ниже (Италия, Испания, Греция, Португалия, Ирландия): по уровню суверенной задолженности первая значительно уступает второй. Нужны ли в этих условиях дополнительные доказательства несостоятельности позиции тех, кто утверждает, будто экономия на социальных расходах представляет собой эффективное средство решения долговой проблемы?

Во-вторых, экономия на социальных расходах, как показывают и расчеты специалистов, и опыт, непосредственно сказывается на платежеспособности населения, а значит, и на массовом спросе. При быстром экономическом развитии и благоприятной конъюнктуре это не так опасно. Иное дело в ситуации вялой конъюнктуры, а именно она и сложилась после кризиса 2008—2009 гг. В подобных условиях неизбежным следствием сокращения платежеспособного спроса станет рецессия, которая, в свою очередь, углубит исходный долговой кризис. В странах, где бюджетная экономия в полном разгаре, признаки такой рецессии уже налицо.

В-третьих, сокращение социальных расходов неминуемо бьет по жизненным интересам очень многих. Оно подрывает условия существования самых разных массовых групп граждан — пенсионеров и учащейся молодежи, безработных и промышленных рабочих, «белых воротничков», занятых на частных предприятиях, и государственных служащих, — воспринимающих такого рода экономию как вызывающее посягательство на многолетние социальные завоевания. Оправданность подобной реакции не вызывает сомнений. Вместе с тем нельзя не видеть, что первой же ее жертвой окажется выходящая из виду незыблемой на протяжении десятилетий политическая стабильность.

Таким образом, есть все основания считать, что предлагаемое лекарство гораздо опаснее самой болезни. Однако проблема остается, и решать ее нужно во что бы то ни стало.

Узел четвертый

Серьезные изменения произошли (и происходят) в архитектуре миропорядка. И роль глобализации в них также несомненна.

Международные отношения — область, в которой реакцию на вызовы современности можно считать наиболее успешной. В конце XX в. завершилось глобальное противостояние двух общественных систем и двух сверхдержав — Советского Союза и Соединенных Штатов. С окончанием холодной войны между ними международная обстановка заметно разрядилась. Был заключен ряд соглашений об ограничении ядерных и обычных стратегических вооружений. Тем самым была отодвинута на задний план нависшая над миром угроза всеобщей ядерной войны, чреватой уничтожением жизни на Земле.

Однако затем процесс приостановился.

Между тем крот глобализации продолжал свое дело. Дальнейшее ее углубление, сопровождавшееся определенными позитивными сдвигами в области международных отношений, вело и к накоплению новых противоречий.

Выше уже шла речь о признаках вызревания очередного противостояния цивилизаций. Но это лишь одна из нитей клубка потенциальных конфликтов, с которыми приходится иметь дело в наше время.

Глобализация в сфере экономики вернула в повестку дня вопрос о международных политических институтах, способных (хотя бы частично) принимать решения, значимые для всех стран мира. При разумных ограничениях, учитывающих реальную обстановку, движение в этом направлении могло бы привести к позитивным результатам. Однако, как это часто бывает, одновременно вырисовалась и теневая сторона проблемы.

Возросшая потребность в упорядоченном мироустройстве вкупе с уходом с мировой арены одной из двух супердержав — Советского Союза — как бы расчистила пространство для притязаний на «единодержавное» управление миром. И на эту роль сразу же появились претенденты.

Естественно, что первой в их числе оказалась сохранившаяся сверхдержава — Соединенные Штаты. Сферой их жизненных интересов стали провозглашаться всё новые регионы мира. Соответственно, были окончательно отправлены в мусорную корзину жалкие остатки прежней ориентации на изоляционизм.

Первостепенная роль в формировании внешней политики перешла к идеологическим миссионерам, считавшим главной задачей страны, которую они представляли, перековать человечество по своим лекалам. Получил новую «путевку в жизнь» пребывавший в идеологическом холодильнике миссионерский лозунг «*Rex Americana*», предполагавший абсолютное доминирование американской экономики, политики и идеологии на земном шаре. Практическое осуществление этого курса привело к серии массовых кровопролитий в самых различных регионах мира.

Элементы аналогичных устремлений стали заметны и в некоторых других, в прошлом колониальных, державах. В их отношении к бывшим владениям начали проскальзывать рудименты изжитых, казалось бы, неокOLONиалистских замашек.

Вместе с тем наметилось и нечто совсем иное. Сброс «грязных технологий» и массовый приток капиталов в менее развитые страны дали неожиданные результаты. В некоторых из этих стран открылись сильные дополнительные стимулы к развитию. Тем самым у них появилась возможность совершить системный рывок к технологическим и техническим высотам и не только догнать, но и в чем-то перегнать кичившиеся своим экономическим превосходством государства.

Сначала преобразились в этом смысле сравнительно небольшие страны (Южная Корея, Сингапур, Тайвань, Малайзия), некогда названные «молодыми тиграми». Сложившуюся систему отношений это, естественно, не изменило.

Однако затем по проложенному ими пути двинулись страны-гиганты, прежде всего КНР, Индия и Бразилия. Во второе десятилетие XXI в. Китай вступил как вторая по экономической значимости (после Соединенных Штатов) держава мира. Немного отстала от него Индия. В 2011 г. шестое место в мире по экономическому развитию заняла Бразилия. Сходную динамику демонстрируют Южно-Африканская Республика и Мексика. На пороге стоят Индонезия и ряд других перспективных претендентов.

Очевидно, что возрастанию экономической значимости неизбежно сопутствуют появление и укрепление политических амбиций. Игнорирование этого обстоятельства влиятельными силами мироустройства повлекло за собой накопление неудовлетворенности и недовольства. А это, в свою очередь, внесло новые элементы нестабильности в сложившийся миропорядок.

Первоначально эти настроения существовали в скрытой форме. Затем они стали выходить наружу. Отсюда растущее сопротивление притязаниям США. Оно проявляется тем сильнее, чем яснее, что

претендент на мировое господство зарвался, не учтя пределов своей силы. Не случайно в последнее время на международной арене все реже упоминают о становлении однополярного мира, то есть мира, в котором доминируют Соединенные Штаты.

Описанная тенденция прокладывает дорогу в самых разных уголках планеты. Именно с этим и связано образование на теле миропорядка множества новых болевых точек, чреватых длительным воспалительным процессом.

О значимости накопившихся противоречий свидетельствует, в частности, на первый взгляд слабо мотивированное противостояние США и КНР в Юго-Восточной Азии, наметившееся в начале второго десятилетия нашего века. Перерастет ли оно в более серьезный конфликт, судить пока трудно. Вместе с тем не вызывает сомнений, что растущая нестабильность международных отношений может получить с этой стороны весомый дополнительный допинг.

Дестабилизация миропорядка находит отражение в резком падении роли и эффективности существующих международных институтов. На глазах девальвируется авторитет ООН. Ей то и дело навязываются решения, дискредитирующие ее как гаранта справедливости и порядка. Все это значительно увеличивает опасность перерастания межгосударственных и даже внутренних конфликтов в столкновения силового плана.

Оценивая в целом обстановку, складывающуюся в этой сфере, можно сформулировать следующий вывод.

С одной стороны, глобализация продолжает интенсивно стимулировать усиление взаимозависимости элементов миропорядка. С другой стороны, движению по этому пути по-прежнему препятствует целый ряд факторов. Среди них и сохраняющийся разрыв в условиях существования экономически развитых и отстающих государств, и устойчивый национально-государственный эгоизм, и ориентация элит на силовое давление как главный способ разрешения межгосударственных конфликтов, и все более очевидная неизбежность распространения не поддающихся контролю средств массового уничтожения, и укorenившийся цинизм в подходе к основополагающим положениям международного права, и отставание последнего от реалий сегодняшней жизни.

Если эта преграда сохранится — целиком или хотя бы частично — нынешним поколениям не избавиться от череды конфликтов и вооруженных столкновений, прежде всего локальных, но не только...

Узел пятый

Серьезные опасности таит в себе недооценка глубинных последствий такого выдающегося достижения последних десятилетий, как научный и технологический прорыв, обеспечивший быстрое накопление дополнительных знаний и умений в сферах материального и духовного производства.

Обращаясь к издержкам этого процесса, чаще всего вспоминают о технологических катастрофах и миниатюризации средств массового уничтожения, которые при недостаточной бдительности могут попасть в руки уголовников и террористов. Это действительно серьезная угроза. Но она, по сути, локальна и может быть минимизирована путем целенаправленных организационно-административных действий.

Гораздо сложнее обстоит дело с социальными последствиями рассматриваемого процесса.

Широкое использование новейших знаний и умений умножает качественные сдвиги в общественном организме. Они происходили еще в XX в. и были описаны как становление «постиндустриальных», а затем и «информационных» обществ.

В то время это было лишь предвидение, возникшее под влиянием наметившихся тенденций. «Постиндустриального», не говоря уже об «информационном», общества в действительности не существовало. Нет его — в описываемом виде — и сейчас. В экономическом организме наиболее развитых стран появились лишь отдельные инновационные прослойки и вкрапления, не затрагивающие пока его исходной сущности. Тем не менее последствия происходящих сдвигов стали заметней. Очевидней и их воздействие на все стороны общественной жизни.

Вокруг новых явлений обычно возникает хоровод оценок и предположений, главным образом разумных, но нередко и иллюзорных. Поэтому, прежде чем прийти к окончательным оценкам, необходимо «отделить зерна от плевел».

Накопление новейших знаний и умений, во многом усилившее разделение и производительность труда, привело к заметному повышению роли умственного труда. В результате резко возросла численность занятых им людей, их значимость и влияние на общественные процессы. Данное обстоятельство общепризнано и не вызывает сомнений. Очевидно также, что этому сопутствовало уменьшение доли лиц, непосредственно занятых физическим трудом в материальном производстве. Однако расхожие представления о масштабах и содержании этого процесса, мягко говоря, не бесспорны.

Широкое распространение приобрела точка зрения, согласно которой материальное производство, а следовательно, и соответствующая деятельность практически сходят на нет. Между тем на практике этому процессу поставлены жесткие пределы. В самом деле, ни на есть экономически развитом обществе, сбросившем путы изжившего себя «индустриализма», людям нужны крыша над головой, предметы бытового обихода, одежда, пища, транспорт, инструменты, оборудование и т.д. И кто-то все это должен производить. А поскольку людей в мире становится все больше, численность тех, кто создает материальные блага, не может неограниченно сокращаться — даже если многих из них частично замещают машины.

Неубедительно выглядит и приводимая в качестве доказательства ссылка на то, что к началу нового века доля работников физического

труда в экономически активном населении развитых стран составила всего 15%. Цифра эта отнюдь не так проста, как может показаться. Она фиксирует не столько падение роли материального производства, сколько прогрессирующий «сброс» его в некогда отстававшие регионы, о котором шла речь выше.

Жители стран, в которых так мало материального производства и тех, кто в нем занят, ездят на машинах, собранных в Южной Корее, смотрят телевизоры, изготовленные в Индии, носят одежду, сшитую в Китае. Разумеется, в этом нет ничего плохого. Просто данные, призванные отражать объективный вес материального производства и физического труда, в действительности отражают нечто совсем другое. Очевидно, что, если бы не стимулированное глобализацией межстрановое разделение труда, соответствующий показатель был бы, по меньшей мере, в два раза выше.

Неверно не учитывать и то, что современный высокопроизводительный труд в материальных отраслях нуждается в сложной системе воспроизводства. А это предполагает активное участие в нем медицинской и образовательной сфер. Не будучи по содержанию формой физического труда, они как бы включены в цепочку действий, имеющих конечной целью материальное производство. Соответственно, при правильном подходе приведенную выше цифру следовало бы еще увеличить.

Другое дело, что характер физического труда в материальном производстве значительно изменился и будет меняться в дальнейшем. Современные квалифицированные работники (если речь идет о развитых странах) — это в своем большинстве образованные специалисты, имеющие за плечами не только общую среднюю школу, но и солидную профессиональную подготовку. Во многих отраслях среди занятых тем, что считается физическим трудом, уже велика доля лиц, располагающих вузовским дипломом.

В годы сравнительно высокой конъюнктуры квалифицированные работники, занятые в материальном производстве (а в развитых странах они по-прежнему составляют весомую по численности и влиятельную группу), получали вполне приличную по существующим меркам заработную плату, жили в более или менее приличных районах и вели образ жизни, во многом схожий с тем, который характерен для работников умственного труда.

Относительно высокий образовательный уровень, выросшие духовные потребности и зрелое чувство собственного достоинства делают их более требовательными к общественной атмосфере и политическим институтам. Их отношение к властным структурам стало более скептическим, чем когда бы то ни было прежде. Манипулировать этой средой значительно труднее, чем даже в недавнем прошлом.

Таким образом, главное следствие сдвигов в структуре современного общества заключается вовсе не в вытеснении материального производства и, тем самым, физического труда. Не менее (а то и более)

важно прогрессирующее сближение работников этого типа с набирающей вес массовой категорией лиц, занятых умственным трудом, подавляющая часть которых является наемными работниками на частных предприятиях или в государственных учреждениях.

Разумеется, различия еще остались, но их становится все меньше. Так или иначе, сегодня имеются все основания рассматривать эти группы как не только потенциальную, но и реальную общность.

Признаки этого сдвига, наметившегося довольно давно, были в свое время использованы для конструирования тезиса о новом среднем классе. В его основу был положен постулат о том, что социальное членение общества определяется в первую очередь уровнем дохода. В соответствии с этим делался вывод, что общество состоит из трех крупных слоев (классов): высшего, низшего и среднего. Предполагалось, что в состав среднего класса входят все категории лиц умственного труда, мелкие и средние предприниматели, а также квалифицированные рабочие, занятые в материальном производстве.

На этом подходе строилась целая цепочка утверждений. Во-первых, он позволял относить к среднему классу большинство граждан и, следовательно, приписывать ему ключевую роль в общественном развитии. Во-вторых, он открывал возможность, ссылаясь на более высокий, чем у низов, уровень жизни среднего класса, провозглашать незыблемость его удовлетворенности своим положением и ситуацией в обществе в целом. В-третьих, он давал основания трактовать *status quo* как нечто не только стабильное, но и устойчивое и прочное в том, что касается перспективы.

Учитывая вышесказанное, не приходится удивляться, что тезис о новом среднем классе незамедлительно был взят на вооружение властными структурами всего развитого мира. При этом полностью игнорировались наиболее очевидные его изъяны. Деление любой людской совокупности в зависимости от уровня богатства или доходов возможно и допустимо. Но нельзя забывать, что подобный подход в основе своей статистический, а не социальный. Уровень богатства или дохода — фактор конъюнктурный. Стоит ситуации измениться, и рассматриваемая группа может оказаться на совсем другой, гораздо более низкой ступени общественной пирамиды. В свою очередь, это повлечет за собой трансформацию всей системы ее интересов.

Членение общества в зависимости от места соответствующей группы в системе общественных, в том числе производственных, отношений несопоставимо прочнее. Ведь хотя отдельные личности могут перемещаться, место самой группы долгое время остается неизменным. Отсюда высокая устойчивость групповых интересов.

Массовые категории лиц умственного труда, как и работники, занятые физическим трудом в сфере материального производства, в большинстве своем являются наемной рабочей силой. Отсюда значительное совпадение оценок, симпатий и антипатий, восприятия окружающей действительности и тех или иных решений власти. Отсюда близкие

формы реакции на внешние раздражители и сходные способы самозащиты. Отношения же с другими группами, искусственно причисленными к среднему классу, могут быть напряженными или терпимыми, конфликтными или партнерскими, но они никак не основаны на осознанной идентичности интересов.

На протяжении ряда лет в условиях сравнительно высокой, устойчивой конъюнктуры уязвимые стороны концепции среднего класса практически не ощущались. Он продолжал восприниматься как некая нерушимая совокупность, гарант общественного спокойствия и порядка.

Правда, с изменением общей ситуации появились первые сигналы, свидетельствующие о том, что пресловутый средний класс не настолько един и столь конформистски настроен, как первоначально предполагалось. Более того, обнаружилось, что он склонен использовать в целях самозащиты исторически опробованное оружие индустриального рабочего класса — забастовку. На непопулярные меры верхов наемное ядро того, что считалось средним классом, начало отвечать прекращением работы. Стали бастовать транспортники, врачи, учителя. С обострением обстановки к аналогичному средству отстаивания своих интересов прибегали даже исконные служители государственной власти — таможенники, налоговики, полицейские.

Власти вовремя не заметили эти сигналы. Долговой кризис, о котором шла речь выше, подтолкнул их к действиям, направленным на то, чтобы выбить необходимые средства из рядовых граждан и общества в целом. При этом основной удар — там, где он был нанесен, — в немалой степени пришелся по среднему классу, и прежде всего по наемной его части. Ответ оказался столь мощным, что во властных кругах ряда стран заговорили о восстании среднего класса против власти. Если это и было преувеличением, то не очень сильным. Стабильность, гарантом которой считался средний класс, испарилась. И это в очередной раз создало проблемы, ключ к решению которых до сих пор не найден.

* * *

Повсеместное опоздание с реакцией на названные (и не названные) узлы потрясений сделало их преодоление чрезвычайно трудным. Соответствующие рецепты еще не готовы. Но откладывать решение проблем до появления таких рецептов крайне опасно. Необходимо, хотя бы временно, согласиться на паллиативы, своего рода общественно-политическую «скорую помощь», которая предотвратила бы дальнейшее обострение болезни. Однако подробное рассмотрение этого вопроса — тема отдельной статьи.